

Женщина средних лет с добросердечным лицом крепко сжала руку Цзи Кая и потянула его сесть рядом:

— Ты хороший парень. Тетя видит, что ты от всего сердца желаешь Вэйду добра. Тетя может со спокойной душой доверить его тебе.

— Тетя, честное слово, это не так! Вы... ошибаетесь! Я просто...

— Вэйду на самом деле очень добрый и хороший мальчик, просто немного упрямый. Но тетя же все видит: ты ему тоже очень нравишься. Просто он пока не окончательно оправился от прошлого и еще не в полной мере осознал, насколько ты замечательный. Ты обязательно, обязательно должен быть с ним терпеливым.

— Тетя! Я правда...

— Спасибо тебе, Цзи Кай, счастье, что ты есть. Вэйду в прошлом столько натерпелся, как хорошо, что он встретил тебя.

«Да что ж такое, тетушка, почему вы меня совсем не слушаете?» — думал Цзи Кай.

Однако на этом дело не закончилось.

— Вэйду... наверное, еще не рассказывал тебе о нашей семье?

— ...

— То, что сказала Е Инь — правда. Я действительно не родная мать Вэйду. Я... третья жена его отца.

«Тетя! Вообще-то мне правда, правда совершенно необязательно знать ваши семейные дела!»

— Цзи Каю стало не по себе, но перед этим искренним, добрым и сокровенным взглядом он чувствовал себя загнанным в угол. И перебить неудобно, и слушать дальше не вмоготу.

— Мама Вэйду была женой его отца еще в те времена, пока тот не разбогател. Из-за того, что она не могла терпеть его пьянство и загулы на стороне, дело в итоге дошло до шизофрении, и она ушла из жизни, когда Вэйду было лет шесть-семь. Его отец всего через несколько дней женился во второй раз. Но та женщина издевалась над Вэйду, так что они тоже быстро развелись. Когда я познакомилась с отцом Вэйду, я только-только окончила техникум. Была совсем молоденькая, ничего не соображала, верила всему, что говорят. Вот так, с дуру поддавшись на его сладкие речи, и вышла за него замуж. Когда я только пришла в тот дом, Вэйду был еще совсем мал. На нем было полно старых шрамов и синяков, он ни с кем не разговаривал, выглядел ужасно жалко. У меня ушел почти год на то, чтобы он начал мне доверять и понял, что я не причиню ему вреда.

— ...

— Е Инь... дочь нашей уборщицы. В детстве Вэйду часто болел, да и душевное состояние у него было нестабильным, он очень привязался к Е Инь. В те времена Е Инь и правда была весьма доброй и душевной девочкой, с радостью проводила с ним время. Но повзрослев, она словно превратилась в совсем другого человека. Из-за того ли, что Вэйду чересчур ее избаловал — отдавал все, что бы она ни попросила, и даже то, чего она не просила, настойчиво ей пихал... В итоге у нее очень рано появились шикарные условия, ей завидовали, она сделалась тщеславной и стала принимать всю доброту Вэйду как должное.

— Я ведь тоже пыталась образумить Вэйду. Каковой бы ни была твоя любовь, нельзя так безгранично потакать человеку. Но что поделать? Вэйду меня совершенно не слушал. Он твердил, что любить кого-то — значит отдать любимому человеку все самое лучшее. В сущности, в этом нет ничего плохого, однако...

— Смешно сказать, даже мать Е Инь возомнила о себе неизвестно что. Хотя получала жалование каждый месяц, стоило попросить ее помыть окна, как в ответ летели едкие оскорбления. Пока я не съехала из того особняка, видела бог весть что: то ли я была там хозяйкой, то ли она. Кто ее знает? Может, и она была одной из любовниц отца Вэйду. Тот мужчина вообще без женщин жить не мог — сменил трех жен, а кобелиная натура так и осталась при нем, ни минуты покоя от него не было.

— Был период, когда я за одну неделю видела, как он катает и таскает по отелям четырех разных баб. Скажи, развод да и только? Поначалу я и плакала, и скандалила, но толку-то? Судьба матери Вэйду была у меня перед глазами, и я думала: не могу же я допустить, чтобы и мой ребенок остался ни с чем и терпел издевательства. Поэтому я довольно рано съехала. И хоть официально мы с отцом Вэйду не разводились, по сути давно жили каждый своей жизнью. Вэйду всегда страшно ненавидел и презирал отца, с самого детства говорил мне, что ни за что не станет таким, как он, а обязательно найдет человека, сокровищем для которого станет сам и кого сам будет беречь превыше всего.

— А потом всю жизнь будет любить только его одного и быть добрым лишь к нему.

* * *

Когда Цзи Кай вошел в больничную палату, на душе у него было тяжело.

— ...Так у тебя еще и депрессия?

Директор Ли с возмущенным видом возразил:

— Просто иногда бывает плохое настроение, я не болен!

«Ладно-ладно, не болен ты». Цзи Кай с плюхом уселся рядом с ним. Кровать жалобно заскрипела.

— С твоим-то здоровьем тебя завтра вряд ли выпишут.

— ...

— Но когда бы тебя ни выписали, сразу после выписки ты пойдешь расставаться с Маленькой феей, верно?

Ли Вэйду опустил глаза:

— Я знаю, что делать, не заботься об этом.

— Эй, постой-ка, Ли, что-то у тебя настрой какой-то не такой, а? — Цзи Каю тут же захотелось применить силу. Бить нельзя — этот директор Ли будто из фарфора сделан, развалится еще... А вот ущипнуть — запросто!

И как он раньше до такого не додумался? Он немедленно вцепился ему в руку, больно сжал и выкрутил...

— Ты что делаешь?! Больно же!

— Больно, да? А ты, оказывается, чувствуешь боль?!

Директор Ли был в шоке, его красивые глаза покраснели от боли:

— Больно! На самом деле очень больно! Отпусти, ты что, с ума сошел?! Чего ты от меня хочешь? Расстанусь я с ней, и так собирался расстаться! Прекрати немедленно! Ты совсем ку-ку, драчливый дикий медведь?!

— ...Правда расстанешься?

— Тебе что, некуда девать энергию, и ты просто искал повод меня пощипать?!

— ...

— ...

Кровать снова скрипнула. Брат Кай вздохнул и опять уселся получше. С видом бывшего человека он похлопал Ли Вэйду по месту через тонкую белую рубашку, где уже наливался синяк.

— Директор Ли, тебе пора бы уже повзрослеть.

Ли Вэйду скривился от боли и свирепо уставился на него: «Ты что за медвежью ахинею несешь?»

— Я имею в виду, директор Ли, что однажды тебе придется научиться поступать по-взрослому: «анализировать», «разбирать» и «решать» проблемы. А не закрывать глаза, занимаясь самообманом и делая бесконечные уступки ценой выжигания собственных чувств, доводя до психоза и себя, и окружающих. Ты ведь её больше не любишь, но при этом продолжаешь истязать себя и ни за что не отпускаешь. И в чем смысл?

Как и следовало ожидать, директор Ли разозлился настолько, что чуть не выдернул капельницу:

— Что за бред ты несешь?! С чего ты взял, что я...

— Ты давным-давно разлюбил Е Инь. Честно говоря, мне следовало намекнуть тебе об этом еще тогда, когда мы ели сукияки.

— Я... я... да ты!..

«Ну так скажи! "Я люблю её", давай, не трусь». Цзи Каю хотелось усмехнуться, он с некоторой жалостью посмотрел на Ли Вэйду.

— В конечном счете тебе не обмануть самого себя. И точно так же твой взгляд, каждое мелкое движение и выражение лица не могут обмануть других.

— ...

— Директор Ли, не в обиду тебе скажу: на самом деле еще до вчерашнего дня я каждый раз при мысли о Чжу Лине невольно улыбался. Пусть он порой вел себя глупо и выкидывал номера, от которых не знаешь, плакать или смеяться, пусть бывали и печальные воспоминания... Но

когда ты любишь человека, это нежное, мягкое чувство не спутать ни с чем и не подделать. А к Е Инь у тебя, боюсь, остались лишь досада, упрямая привязанность да подавленная обида. Но при этом ты не хочешь причинить ей боль и в итоге раз за разом калечишь самого себя. Такие отношения ужасны. Продолжишь в том же духе — и не ровен час на самом деле кого-нибудь убьешь.

Услышав это, Ли Вэйду чуть не сошел с ума:

— Кто это собрался кого-то убивать?! Цзи Кай, ты в своем уме?! Вон! Немедленно убирайся отсюда!

— С тем взглядом, какой у тебя был в тот день... Директор Ли, без обид, но даже заправский убийца расплакался бы от страха, глядя на тебя. Ты задумывался об этом? Да, ты бесконечно шёл Е Инь на уступки, но всякое всепрощение и прощение в этом мире покупается ценой самоистязания и истощения внутренних сил. Если все время терпеть, рано или поздно наступит предел и прорвет плотину. Если позволишь себе и дальше увязать в этой бездонной яме, больно станет в тысячи, в миллионы раз сильнее, чем сейчас. И что еще хуже — каждая клетка твоего тела навсегда запомнит это ощущение. Ты просто перестанешь верить в любовь, перестанешь верить людям. Ты никогда не сможешь стать счастливым и в конце концов закончишь жизнь в полном одиночестве.

— ...

— Я говорю это не для того, чтобы тебя сглазить. То, что я хочу донести, на самом деле проще некуда: расстанься с ней как следует. Старое не уйдет — новое не придет. На свете полно замечательных мужчин — вроде меня. Тебе сейчас нужно просто шире открыть глаза и посмотреть на этот огромный, прекрасный лес.

Ли Вэйду молчал, уставившись перед собой неподвижным взглядом.

<http://bllate.org/book/18382/1767652>